

Алексей Михайлович

Девятнадцатого марта 1629 года у царя Михаила Федоровича появился на свет долгожданный наследник, нареченный Алексеем. Торжественное крещение младенца состоялось в Троице-Сергиевом монастыре. По этому случаю во вкладной книге самой чтимой на Руси обители можно прочесть запись от 18 апреля: «Крест золот с мощми и с камнем с яхонты и лалы, и с жемчуги за 200 рублей... Келарь старец Александр положил на государя царевича князя Алексея Михайловича всеа Руси в его, государево, крещение».

О детстве будущего Тишайшего царя известно не много. Мальчика окружали не только разнообразные игрушки (в том числе затейливые западноевропейские – «немецкие»). Алексея выучили грамоте, приохотили к чтению. В шестилетнем возрасте он осваивает букварь, изготовленный специально для него по заказу деда, патриарха Филарета. Книга содержала и нравоучительный материал. Затем Алексей стал читать под руководством учителей и «дядек» Псалтырь, Деяния апостолов. Одновременно с навыками чтения и письма царевич постигал церковное пение, не исключая наиболее сложных его частей. В дальнейшем Алексей столь хорошо усвоил весь «чин» церковной службы, что мог поправлять знатоков этого дела. В руки юного царевича перешли книги из библиотеки патриарха Филарета, причем не только церковного характера. Были среди них и светские – космография, грамматика, какой-то лексикон. Один из ранних русских западников – боярин Борис Иванович Морозов, воспитатель-«дядька» Алексея, одел питомца в иноземное платье, а в обучении использовал немецкие гравюры.

Отец воспитывал сына целенаправленно, внушая ему высокое предназначение государя всея Руси. Михаил Федорович мог дать любимому сыну то, что не суждено было познать самому в ранние годы. Робкий юноша, вступивший на престол по выбору «всей земли» после изгнания польско-литовских интервентов из Москвы, вероятно, в зрелые свои годы вспоминал лихие времена Смуты, гонения, ссылку. Родное чадо росло в иной обстановке, когда можно было не опасаться превратностей судьбы: все кругом к его услугам, каждый готов выполнить малейшее желание царственного отрока. Ежедневно во дворце толпились высшие сановники государства, церковнослужители, приказные дельцы. Приставленные к царевичу воспитатели – «дядьки» и прежде всего Б.И. Морозов – внушали ему, что он рожден для того, чтобы сменить отца на престоле, когда наступит срок.

Царевич был не только свидетелем, но и участником придворных церемоний, приема иностранных послов. В 1644 году Алексей Михайлович в Грановитой палате в сопровождении бояр, окольничих и стольников встречал датского королевича Вольдемара, жениха своей старшей сестры Ирины. Выполняя поручения отца, Алексей не раз принимал Вольдемара и беседовал с ним. Иными словами, Алексея учили быть государем. Так повелевают законы – божеские и человеческие. И наследник твердо это усвоил. У него не возникало сомнений в богоизбранности царской власти, которая, кроме всего прочего,

признана свято сохранять православную веру. Современники единодушно отзывались об Алексее Михайловиче как человеке глубоко религиозном. В любой обстановке он соблюдал все требования церковного обряда, истово молился, постился, совершал «походы» в монастыри на поклонение святыням.

Поньше у историков нет ясного ответа на вопрос о вступлении Алексея Михайловича на царский престол после кончины его отца 12 июля 1645 года. Есть какие-то глухие намеки на проведение Земского собора, утвердившего молодого царя на троне Российского государства. Об этом писал осведомленный автор, бывший подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин. Наблюдательный голштинский посол Адам Олеарий сообщил в своих записках о «единогласном решении» всех бояр, вельмож и «всей общины». Наконец, известна запись XVII века о том, что 13 июля 1645 года «князи и бояре и весь царский сигклит и вси чиновнии людие московский жители целовали крест благоверному государю... Алексею Михайловичу, что быти ему на Московском государстве и над всею Российскою землею царем государем и великим князем». Прямых свидетельств источники на этот счет не сохранили. Но саму мысль о соборе вряд ли возможно исключить. Ведь такой была практика предыдущей поры. К тому же решение «всех чинов людей» укрепляло позиции новой царской династии в глазах подданных.

Еще при жизни Михаила Федоровича стало известно, что в Польше появился самозванец, выдававший себя за «московского царя Дмитрия сына». Как выяснилось позже, новым искателем московского престола был Иван Луба. Он рассчитывал на помощь турецкого султана, чтобы «землю свою отцевскую опановати». Объявился еще один самоназванный претендент, который также обивал пороги дворца падишаха. Этот именовал себя сыном Василия Шуйского. В народе ходили разные слухи о самом царе. Поговаривали, что царевич Алексей «подменный», а когда он стал государем, нашлись люди, которые уклонились от присяги ему, заявив, что его «напрасно – де на государство посадили» и что «посадил – де его на царство Морозов». Не было секрета в том, что перед смертью царь Михаил поручил попечение над своим сыном Б.И. Морозову, который и стал первым лицом в окружении нового государя. Внеся тревогу в правящие круги России, авантюры новых самозванцев, к счастью для страны, не вылились в новую смуту. В конце концов Иван Луба и Тимофей Анкудинов (так звали второго самозванца) оказались в руках московских властей.

В наследство от отца Алексей Михайлович получил немало неразрешенных проблем. Помещики засыпали правительство челобитными о земельных делах, лихоимстве «сильных людей» государства и требованиями закрепощения крестьян. Посадские были недовольны засильем «беломестцев» в городах (то есть освобожденных от государственных налогов и повинностей жителей во владениях светских и духовных феодалов). Купечество негодовало по поводу льготных условий торговли, предоставленных в России иноземным коммерсантам. Страна еще не забыла о поражении в Смоленской войне 1632–1634 годов, которое отзывалось на состоянии не вполне окрепшей после Смуты экономики государства.

По– видимому, на первых порах юных монарх не утруждал себя государственными делами, предпочитая развлечения и передоверив управление Морозову и его родственникам. Во всяком случае, современники на это жаловались. Так, стряпчий Спасо-Прилуцкого монастыря в 1645 году писал своему игумену: «Государь все в походах (имеются в виду поездки Алексея Михайловича.-А.П.) и на мало живет (в Москве) как и воцарился». К тому же не всегда объявленный «поход» по маршруту совпадал с первоначальным намерением: «а где поход ни скажут государев, и он, государь, не в ту сторону пойдет». Такие хитрости избавляли царя от излишней докучи просителей по пути следования. Некоторые челобитчики по тридцать-сорок раз подавали прошения – и безрезультатно. Ефремовен, сын боярский Иван Ефанов в сердцах высказался так: «О чем – де они ему, государю, ни бьют челом, и он-де, государь, за них не стоит».

В первые годы царствования Алексея Михайловича была предпринята по инициативе боярина Морозова и «дьяка» Назария Чистого, вчерашнего торгового человека, реформа налогообложения. К февралю 1646 года относится царский указ о введении повышенной пошлины на соль – продукт общего потребления. Законодатели объявляли, что такая пошлина будет «всем равна», казна пополнится, а основные прямые налоги – стрелецкие и ямские деньги – отныне отменяются. Кажущаяся привлекательность подобной финансовой меры на практике себя не оправдала. Трудящееся население вынуждено было вследствие высоких цен сократить покупку соли. Вместо пополнения доходов государства произошло их резкое падение. Недовольство населения достигло высшего накала после того, как соляную пошлину в декабре 1647 года отменили, а власти, чтобы заполнить бреши в бюджете, решили взыскать опрометчиво отмененные стрелецкие и ямские деньги сразу за два предыдущих года. Таким образом, в 1648 году налогоплательщики должны были внести в казну тройной оклад этих сборов. Нетрудно представить, что это значило для тяглого населения России. Шквал поборов обрушился на него, вызывая всюду остроту, недовольство, массовое разорение людей. В Москву потянулись многочисленные челобитчики, добиваясь правды в царских приказах.

Но в московских учреждениях процветали произвол, взяточничество и другие пороки.

Всесильный царский фаворит Морозов при всем своем государственном уме и незаурядной образованности был подвержен соблазну неусыпного стяжания. По замечанию современника-иностранца, у Морозова жадность к золоту была так сильна, «как обыкновенно жажда пить». За короткое время Морозов превратился в богатейшего землевладельца. На должности начальников приказов он поставил своих людей, которые не менее жадно прильнули к источникам обогащения: произвольно сокращались денежные выплаты стрельцам и пушкарям, взятки и вымогательства стали повседневной нормой. Особенно прославились на этом поприще начальник Пушкарского приказа П.Т. Траханиотов и глава Земского приказа Л.С. Плещеев. Не отставали от начальства и более мелкие служители приказов.

Предвестниками социальной бури в столице стали выступления населения на окраинах государства, на юге и в Сибири.

Первого июня 1648 года, когда царь возвращался с богомолья из Троице-Сергиева монастыря, от толпы, встретившей кортеж, отделилась группа людей, пытаясь вручить Алексею Михайловичу челобитную. Царь ее не принял, толпу охрана разогнала, были произведены аресты.

На следующий день царь Алексей участвовал в крестном ходе из Кремля в Сретенский монастырь. Во время церемонии к нему опять двинулась группа посадских и служилых людей с челобитной. В толпе раздавались требования о выдаче Плещеева и задержанных накануне челобитчиков. Противодействие окружавших царя бояр и приказных людей озлобило собравшихся. Следуя за царской свитой, возвращавшейся из монастыря, многотысячная толпа ворвалась в Кремль. Поставленные в ружье по приказу Морозова стрелецкие полки отказались повиноваться, заявив, что они присягали царю, а «сражаться за бояр против простого народа они не хотят». Более того, стрельцы сказали, что они готовы поддержать восставших. Лишь Стремянный стрелецкий полк (царская гвардия) остался верным боярам. Однако его сил было недостаточно, чтобы справиться с «чернью». Для переговоров с поднявшимся населением вышли бояре, но их не пожелали слушать.

Тогда к народу вышел изрядно напуганный Алексей Михайлович. Держа в руках икону, он стал уговаривать восставших, «чтоб им от шуму перестать». Однако «шум» нарастал. В городе начались погромы дворов ненавистных вельмож и приказных дельцов – Морозова, Плещеева, Траханиотова, дяди царя Н.И. Романова и др.

Анализ поведения восставших позволяет уяснить социальную сущность событий. Так, разгром двора Морозова сопровождался не расхищением награбленных у народа богатств, а их уничтожением. Восставшие не разрешали ничего уносить с собой, крича: «То наша кровь!» И тут же уничтожали имущество. Разъяренная толпа обнаружила Назария Чистого спрятавшимся под вениками. Дьяка тотчас убили.

В те дни социальная буря совпала со стихийным бедствием, столь знакомым деревянной по преимуществу Москве, третьего июня город поразил страшный пожар. В народе говорили, что его виновниками были слуги Морозова, по наущению хозяина учинившие поджоги, чтобы отвлечь внимание взбунтовавшегося люда. Пожар истребил тысячи домов, сгорели хлебные запасы казенного Житного двора. Было много человеческих жертв.

На Красной площади вновь забушевало людское море. Народ осаждал кремлевские палаты, требуя немедленного наказания Морозова, Плещеева, Траханиотова. Правительство

оказалось в критическом положении. Решено было пойти на уступки. Плещеева выдали толпе. Его казнили на Красной площади.

Четвертого июня восставшие вновь подступили к царским палатам с требованием выдачи Морозова и Траханиотова. Последнего хотели спасти, отправив на воеводство в Устюжну Железопольскую. Но под давлением народа царь вернул его с дороги и выдал повстанцам. С начальником Пушкарского приказа расправились на Лобном месте. Хотел скрыться и Морозов, но его опознали ямщики, и он едва избежал участи Плещеева и Траханиотова. Его убежищем стали царские покои. И на следующий день волнения продолжались. Жизнь Морозова висела на волоске. Алексей Михайлович никак не хотел гибели своего любимца. Он вышел к восставшим и со слезами на глазах просил пощадить своего воспитателя, обещая отстранить его от дел и выслать из Москвы. Это сохранило жизнь Морозову, но народ бдительно следил за выполнением царского обещания. Проволочка с высылкой боярина грозила новыми неприятностями. Алексей Михайлович скрепя сердце отправил Морозова под сильной охраной в Кирилло-Белозерский монастырь. Властям монастыря было строго наказано всячески оберегать жизнь и здоровье любимца монарха.

Чтобы удержать на своей стороне находившихся в Москве провинциальных дворян, правительство сулило им новые земельные пожалования и прибавку денежных окладов. Шла раздача денег стрельцам, царица посылала «простонародью» подарки. Тесть Алексея Михайловича боярин И.Д. Милославский устраивал встречи с «знатнейшими гражданами» Москвы, задабривал верхушку столичного посада. Патриарх и духовенство также всячески способствовали умиротворению.

Июньские события 1648 года сильно повлияли на Алексея Михайловича. Именно с той поры его роль в государственных делах заметно активизировалась.

Тем временем события развивались стремительно. Воспользовавшись затруднительным положением правительства, дворяне вместе с купечеством провели совещание и 10 июня потребовали созвать Земский собор. Царь тотчас с этим согласился. По стране катилась волна посадских и крестьянских восстаний. Поднялись северные города Устюг Великий и Соль Вычегодская, на юге волновались Воронеж, Курск и Козлов, в Сибири вновь восстали жители Томска.

Едва ли не впервые после воцарения Алексей Михайлович прибег к перестановкам в правительстве, дабы утишить всенародный ропот. Он приблизил недругов Морозова – боярина Н.И. Романова и князя Я.К. Черкасского. Конфискованные владения Плещеева и Траханиотова пошли в раздачу мелкопоместным дворянам. Было приостановлено взыскание недоимок, обычно сопровождавшееся «правежом» (битьем должников палками).

Шестнадцатого июня 1648 года был спешно созван Земский собор, имевший промежуточный характер. Принятое собором решение предусматривало, чтобы в ближайшее время подготовить новый собор, на котором рассмотреть свод законов (Уложение). Для работы над проектом нового Уложения образовали комиссию под председательством князя Н.И. Одоевского.

Земский собор открылся в начале сентября 1648 года и продолжал работу до конца января 1649 года. Около трехсот пятидесяти его участников представляли дворян столичных и провинциальных, приказных чиновников, боярство и высшее духовенство, московский и городские посады, столичные стрелецкие полки. Крестьянских выборных не было, отсутствовали также представители из Сибири и Нижневолжского края. Шло обсуждение и редактирование нового свода законов. Работа протекала в двух палатах. В одной заседали Боярская дума, Освященный собор, патриарх и царь. В стенах нижней палаты судили и рядили «земские люди» – депутаты от городов и рядового дворянства.

За короткое время была проведена огромная кодификационная работа, результатом которой стало Уложение в составе двадцати пяти глав. Подлинник этого документа, скрепленного подписями большинства членов собора, имеет длину триста девять метров. Довольно быстро Уложение было напечатано тиражом до тысячи двухсот экземпляров и поступило во все приказы и в города местным воеводам.

Во время разработки Уложения представители сословий подавали коллективные челобитные, важнейшие положения которых были учтены в соответствующих статьях кодекса. Наиболее значительным документом, составленным от имени дворян и посадов, являлась челобитная от 30 октября 1648 года. В ней с особой остротой прозвучало требование об отписке на государя беломестных слобод и дворов. В этом усматривался один из источников «межеусобия» в стране. Челобитье было доложено Алексею Михайловичу 13 ноября. Царь указал удовлетворить эти ходатайства: «Быти тем всем людям за ним, великим государем, в тягле». Тринадцатого декабря 1648 года после выслушивания докладной выписки по этому вопросу (челобитчики просили снять ограничения сроков давности сыска закладчиков) Алексей Михайлович и здесь пошел навстречу просителям.

Дворяне добились включения в Уложение долгожданных законодательных норм об отмене сроков сыска беглых крестьян, что обозначало установление крепостной зависимости. Посады получили удовлетворение своих требований об изъятии беломестных слобод и дворов в городах и передаче их в тягло. Детально было разработано законодательство о поместном и вотчинном землевладении, а также о судопроизводстве. Особое место отводилось охране жизни и достоинства царствующих лиц. Правящие круги сделали для себя нужные выводы из бурных событий лета 1648 года. Приход ко дворцу «скопом и

заговором» под страхом смертной казни решительно запрещался, оскорбление величества влекло жестокие наказания.

Сохранилось известие о крестьянине Савве Корепине, которого перевели из беломестного владения боярина Н.И. Романова в тягло на посад. Корепин имел неосторожность высказаться о царе и его окружении: «Государь – де молодой, глуп, а глядит – де все изо рта у бояр у Бориса Ивановича Морозова да у Ильи Даниловича Милославского, они – де всем владеют. И сам – де он, государь, то все ведает и знает да молчит, черт – де у него ум отнял». Критик правительства грозил «побить до смерти» Морозова и Милославского. Будучи, по-видимому, зажиточным человеком, Корепин добавил: «А побивать-де мы станем не все сами, есть – де у нас много ярыжек, которые у нас живут, – от тех же и почин будет». Крамольные речи недовольного правительственной политикой не ограничились этим. Он заявил кому-то из дворян: «Мы – де вас всех из изб побьем ис пищалей, а холопи-де ваши с нами ж будут». По личному указу царя Корепина пытали и допрашивали в присутствии бояр. Ссылки на то, что подобные слова были сказаны спьяну, не возымели действия. Корепина казнили. Тогда же, в январе 1649 года, поплатился жизнью стрелец Андрей Ларионов. Он возвещал, что «быть замятие (бунту. – А.Л.) в Крещение».

Уложение 1649 года почти на два века стало руководящим законодательным актом для России.

Со временем во исполнение норм Уложения государство приняло на себя заботу об организации сыска и возвращения беглых их прежним владельцам. В пределах государства на протяжении 1649–1652 годов проводилось так называемое посадское строение – отписка «на государя» беломестных (главным образом церковно-монастырских) владений в городах. Деятели Православной Церкви, зная особое расположение царя к святым обителям, нередко добивались возвращения ранее отобранных в тягло дворов и крестьян, так что эта реформа осуществлялась не всегда последовательно. Но все же она дала некоторый эффект в смысле пополнения казны за счет включения новых налогоплательщиков. К этому давно стремились тяглые посадские общины.

Серьезным успехом молодого царя следует признать тот факт, что ему удалось вернуть из вынужденной ссылки Б.И. Морозова и вновь ввести его в правительство. Этому способствовало челобитие московских стрельцов о возвращении к делам их вчерашнего начальника. Не исключено, что челобитие появилось не без участия самого царя. Но дело было сделано. Данный случай с несомненностью указывает на то, что Алексей Михайлович обрел способности к политическому маневру, сопряженному с интригой и умением настоять на своем.

Обстановка в стране, однако, не благоприятствовала спокойствию монарха. Правительство царя Алексея вынуждено было созвать новый Земский собор в 1650 году. На сей раз поводом послужило восстание в Пскове, когда почти полгода власть в этом большом торгово-ремесленном городе и его обширном округе находилась в руках «всегородней земской избы», во главе которой встал хлебник Гаврила Демидов. Царские власти были отстранены, местные дворяне оказались под подозрением восставших. Угрожающий характер этого движения был вполне очевиден. Семена бунта грозили вновь прорасти в столице. В целях смирения псковичей, которые решительно отвергали обвинения в «измене», и был созван Земский собор. В мятежный город направили делегацию от имени собора во главе с коломенским епископом Рафаилом. Не отказались и от военного воздействия. Псков осадило войско, предводительствуемое князем И.Н. Хованским. Царю, разумеется, были известны псковские события. От его имени дьяк М. Волошенинов в ответ на не слишком вежливую челобитную восставших псковичей заявил: «И то в челобитной написали воры и заводчики (зачинщики. – Л.Я.), и нам, великому государю, указывать не довелось, холопи наши и сироты нам николи не указывали». В конце концов замирение Пскова состоялось, хотя и не без серьезных осложнений. Перед лицом «одиначества» псковичей царские власти отказались от репрессий.

В первые годы правления Алексея Михайловича немало было и внешнеполитических проблем. Посольский приказ развернул тогда весьма активную дипломатическую деятельность. Во многие страны Европы и Азии были направлены посольства с извещениями о вступлении на российский престол царя Алексея Михайловича. Столь широкомасштабных акций ранее не предпринималось. Это указывало на то, что Россия придавала особое значение своему международному престижу и была готова к расширению внешнеполитических связей.

Одним из первых дел, ждавших разрешения, являлось зашедшее в тупик сватовство королевича Вольдемара, которого в Москве застала смерть царя Михаила Федоровича. Изрядно затянувшиеся споры вероисповедного характера вывели из терпения не только жениха, но и датский двор. Упорное нежелание сторон пойти навстречу друг другу делало бесперспективным дальнейшее пребывание принца в России, тем более что ему не разрешили даже повидаться с невестой, пока он не перейдет в православную веру. Претендент на руку Ирины Михайловны наотрез отказывался это сделать и настаивал, чтобы его отпустили из России. Вступив на престол, Алексей Михайлович после новых неудачных попыток уладить дело согласился дать Вольдемару отпускную аудиенцию. Описывая пребывание представителя датского королевского дома в Москве, спутник Вольдемара изобразил в доброжелательных тонах прощание молодого царя с королевичем. Алексей Михайлович держал себя дружески-непринужденно и произвел самое благоприятное впечатление на датчан. Это несколько сгладило неприятный, тягостный настрой гостей, сопровождавший их все это время. Почетные проводы, богатые прощальные дары и заверения в продолжении связей между двумя государствами завершили длительное пребывание заморских гостей в России.

Первая попытка дома Романовых породниться с европейскими монархами окончилась неудачей. Этот нежелательный в международном плане эпизод немало заботил русскую дипломатию после отъезда Вольдемара. Послы в другие страны получали наказ, как отвечать на возможный вопрос о Вольдемаре. Суть ответа сводилась к тому, что никакого ущерба датский королевич в России не понес – «как приехал, так и отпущен». Любопытно, что подобные инструкции были даны и русскому посольству в ханствах Средней Азии, правители которых вряд ли могли что-то знать о марьяжной истории Вольдемара.

В Москве почти постоянно находились шведские резиденты, снабжавшие свое правительство подробными сведениями о России, ее политическом и экономическом положении. Между Россией и Швецией возникали трения в связи с тем, что в русские пределы переселялись из Финляндии карелы, притом в массовом порядке. Чтобы компенсировать шведскую сторону, Россия согласилась в 1649 году выплатить Швеции большую сумму – семьдесят тысяч «угорских» золотых и сто двадцать тысяч рублей московской серебряной монетой.

Отечественное купечество в начале царствования Алексея Михайловича еще энергичнее стало добиваться у правительства обуздания иностранных коммерсантов (в первую очередь англичан), хозяйничавших на русском рынке, опираясь на большие льготы, предоставленные им царскими грамотами предыдущей поры. В 1646 году более ста пятидесяти русских купцов подали коллективную челобитную, в которой изложили свои требования к верховной власти. Коснемся внешнеполитической стороны этого интересного документа. В челобитной 1646 года русские купцы заявляли по поводу получения английскими торговцами льгот и привилегий от царского правительства: «А в жалованной, государь, грамоте написано, что та грамота дана им для прошения аглинского их Карлуса короля». Как будто законность такого «прошения» у челобитчиков сомнений не вызывает. Монархи призваны заботиться о подданных. Однако далее купцы прибегают к явно политическому демаршу: «А они... англичане торговые люди, все Карлусу королю не подручны и от него отложились и бьются с ним четвертой год». Восстав против короля, англичане лишились права на благосклонное к ним отношение со стороны русского царя, следовательно, и на особые привилегии. Русские купцы давали понять государю, что они не бунтуют, как «аглинские немцы», а верноподданнически просят удовлетворить их челобитье.

В дни работы Земского собора 1648–1649 годов это прошение купцов было повторено, и правительство не осталось к нему равнодушным. Первого июня 1649 года был подписан царский указ, согласно которому английские негоцианты подлежали выдворению из пределов России. Указ мотивировал эту меру тремя доводами. Во-первых, ссылаясь на челобитье русских купцов, из-за операций на русском рынке те «обедняли», а англичане «богатели». Во-вторых, английские купцы не поставляют товаров для царского обихода. Третий довод без обиняков давал оценку революционным событиям на британских островах, англичане обвинялись в том, что они «всею землею учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти». Разрешение остаться в России было дано

лишь тем английским подданным, которые находились на царской службе. Упразднились льготные условия торговли англичан, но Архангельск для приезда заморских купцов не был заказан. Английские торговцы вынуждены были покинуть Москву и другие русские города. Правительство России оставалось непреклонным и тогда, когда некоронованный Карл II через своего посла лорда Джона Колпера просил царя отменить это решение для тех англичан, которые остались на стороне роялистов. Ответ королевскому послу прозвучал такой: «И за таких злодеев и изменников и государю своему убойцов и говорити было не годилось. А достойны они за свои злые дела казни, а не милости. А на Московском государстве по-прежнему таким злодеям быть непристойно». Неудача Колпера в данном случае не исключала самого благоприятного отношения правительства Алексея Михайловича к королю-изгнаннику. Просьба Карла II о субсидии, несмотря на трудное финансовое положение России, была удовлетворена. Само посольство встретили в Москве весьма торжественно и пышно («стреча большая» – по русскому дипломатическому этикету).

О событиях на британских островах в 40-х годах XVII века в России знали не понаслышке. Оттуда вернулся гонец Герасим Дохтуров. Миссия Дохтурова состояла в том, чтобы вручить Карлу I известительную грамоту о вступлении на русский престол Алексея Михайловича. Полгода гонец находился в Англии, представив подробный отчет в своем статейном списке по возвращении на родину. Будучи в Англии, русский посланец оказался не только в затруднительном, но и щекотливом положении. Согласно правительственному наказу, ему надлежало вручить царскую грамоту лично королю. Но Карл I тогда уже фактически был отстранен от власти, его не было в столице, когда туда прибыл Дохтуров. Представители парламента под всяческими предлогами не разрешали русскому гонцу выехать на аудиенцию к королю. Их попытки заполучить грамоту царя Дохтуров отклонил. Он описал торжественные встречи, устроенные ему в палатах парламента. Находясь в Лондоне, Дохтуров часто встречался с английскими купцами, членами Московской компании, развернувшей торговые операции в России. Они охотно информировали гонца о событиях в Англии. В статейном списке была четко проведена мысль о социальном размежевании в английском обществе: «За королевским величеством тех людей, которые торгуют в Московском государстве, никою нет, те люди, вся кумпания, за парламентом» и вообще «их английскому королю помощи нет ни от ково». Английский парламент с почетом отпустил Дохтурова на родину, снабдив его грамотой на имя царя Алексея Михайловича. Гонцу во время отпускной аудиенции были предложены услуги английской стороны на случай вербовки солдат-наемников для службы в России.

Для коронованных особ на континенте и, как мы убедились, для Алексея Михайловича судьба английского собрата была далеко не безразличной. «Самодержец всея Руси» явно симпатизировал Карлу I, а после его казни поддерживал Карла II. Со своей стороны, британские роялисты пытались использовать в своей борьбе с революцией авторитет русского царя. Это, в частности, выразилось в появлении на свет «Протеста царя Алексея Михайловича по поводу казни короля Карла I». «Протест» был размножен типографским способом и распространен в европейских государствах. Этот несомненно подложный документ был призван уверить общественное мнение Европы в незаконности действий

английских мятежников и пригрозить возможностью союза монархов против отступников. В Москве холодно встретили посланцев Кромвеля. Поскольку в России конец 40-х годов XVII века ознаменовался резким обострением внутривосточной обстановки (из стран континентальной Европы поступали также тревожные вести), царь Алексей не мог спокойно воспринимать происходящее.

По тем же причинам в Москве не решились принять «под высокую государеву руку» восставшую против Речи Посполитой Украину. Ведь восстали против короля! Обращения гетмана Богдана Хмельницкого к царю хотя и воспринимались с пониманием, однако не получали официальной поддержки. Мятежный казацкий край внушал немалые опасения правящим кругам в Москве. Кроме того, было вполне очевидно, что при положительном решении украинского вопроса война с соседней Речью Посполитой станет неизбежной. А к ней Алексей Михайлович еще не считал себя готовым на рубеже 40–50-х годов XVII века.

Но подготовка к войне с королем Речи Посполитой Яном Казимиром началась.

И хотя в Москве поостереглись тогда принимать в подданство Украину, царское правительство оказывало порой весьма существенную помощь борьбе Хмельницкого. Неурожай 1648 года на Украине подвинул русские власти на разрешение беспоплатной торговли хлебом и солью в украинских землях. Осуществлялись поставки пороха, свинца и оружия казацкому войску. Посланцы гетмана встречали в Москве радушный прием. Поощрялся приезд в Россию ученых монахов из Украины и Белоруссии.

В конце 40-х – начале 50-х годов XVII века правительство Алексея Михайловича продолжило в южных районах государства огромное оборонительное строительство, начатое ранее. Была сооружена линия укреплений, известная под названием Белгородской засечной черты, протянувшаяся почти на пятьсот верст. Там в острогах и новых городах разместили военные гарнизоны (до десяти тысяч человек). Белгородская черта стала достаточно эффективным препятствием на путях нападения крымских орд. Эти последние представляли большую опасность для пограничных русских и украинских территорий. Они угоняли тысячи людей в неволю, истребляли посевы и скот, сжигали города и села. Москва стремилась достигнуть мирных отношений с Крымским ханством, обезопасить страну от вторжений степняков. В этих целях хану и крымской знати посылались ежегодные «поминки» – щедрые дары деньгами и мехами. Правители Крыма пытались истолковать эти выплаты в качестве дани – признака зависимости русских царей от бахчисарайских владык. Россия такой взгляд решительно отвергала, о чем следовали соответствующие заявления русских дипломатов и царских грамот.

Белгородской чертой не ограничилось оборонительное строительство. В восточном направлении прошла Тамбовская укрепленная линия. Сюда на службу призывали не только

русских, но также мордву, чувашей и татар. По левобережью Камы от устья протянулась Закамская черта с городами-крепостями Мензелинском, Шешминском и др.

Первые внешнеполитические шаги правительство Алексея Михайловича направляло и в сторону восточных государств.

В Москву приезжали посольства от грузинских царей Теймураза и Александра. Зажатая между Ираном и Турцией, Грузия оказалась в весьма затруднительном положении. Обращения ее правителей к единой России с просьбами о принятии в подданство и помощи не могли тогда осуществиться. Геополитическое положение России не позволяло этого. Алексей Михайлович пытался что-то сделать для Грузии. Он охотно принимал на службу выходцев из этой страны, давал убежище царевичу Николаю Давыдовичу и его матери, дружески встречал Теймураза, посылал деньги местному духовенству. В Грузию ездили царские посланники.

Продолжая дела отца, царь распорядился отправить послов в Среднюю Азию, к ханам Хивы, Бухары и Балха. Эту миссию возложили на торгового человека из Астрахани Анисима Грибова. Но проехать в Среднюю Азию посольство не смогло. Там шли междоусобные войны. Грибов побывал в Тегеране, оказавшись неожиданно гостем иранского шаха. Предусмотрительные служители Посольского приказа снабдили посла на всякий случай царской грамотой к шаху. Последний откликнулся доброжелательным ответом Алексею Михайловичу.

Судя по документам тех лет, в Москве всерьез размышляли об установлении отношений с Индией, о которой собирали сведения и выводили удобнейшие пути в эту сказочную страну. В планы Алексея Михайловича входило также установление торгово-дипломатических сношений с Китаем. В 1653 году туда отправилось посольство дворянина Федора Байкова. Оно не имело успеха, но начин был сделан.

В правление царя Алексея завершилось принятие подданства России калмыцкими владетелями. Калмыки прикочевали к русским пределам из степей Центральной Азии под влиянием междоусобных войн. Они вынуждены были искать новые территории для кочевий. Уже в начале XVII века калмыцкие тайши вступили в контакты с воеводами сибирских городов, выражая намерение стать подданными Москвы. Но решение вопроса затянулось. Тем временем калмыцкие улусы вышли к рекам Яик и Эмба. Отдельные отряды достигали Волги. Но получить земли для обитания калмыки могли лишь при условии вхождения в состав России, которая имела свободные земли на юго-востоке. Ускорила принятие подданства калмыками начавшаяся война России и Речи Посполитой за Украину. В 1655 году от имени тайшей Дайчина, Мончака и других была дана шерть (присяга) русскому правительству, в которой калмыки признавали себя подданными царя. В ответ

правительство разрешило калмыкам кочевать в междуречье Яика – Волги. В 1657 году присяга была подтверждена, и после этого калмыцкие владельцы обязались посылать свои войска на помощь России в ее борьбе с Крымским ханством. Неудачи русской армии в 1659–1660 годах побудили царское правительство вновь потребовать с тайшей принесения шерти и военной помощи. Посольство думного дьяка И.С. Горохова решило эти задачи. Подписывая присягу, тайша Мончак сказал: «Как – де бумага склеена, так бы де калмыцким людем с русскими людьми вместе быть вечно». Калмыцкие отряды (иной раз вместе с донскими казаками) участвовали в военных действиях на стороне России.

Как раз в начальные годы царствования Алексея Михайловича активизировалась культурно-религиозная жизнь России. И здесь немалая роль принадлежала молодому монарху. Он близко к сердцу принимал все, что относилось к распространению и укреплению православного вероучения. Вокруг Царского духовника протопопа Благовещенского собора Московского Кремля Стефана Внифатьева сложился кружок «боголюбцев», или «духовная братия». Среди «боголюбцев» был и Алексей Михайлович. Кружок объединял как духовных, так и светских лиц. К первым принадлежали настоятель Казанского собора Иван Неронов, несколько священнослужителей из провинции, в том числе – протопоп юрьевский Аввакум. С Внифатьевым был близок игумен Новоспасского монастыря Никон. На него тогда и обратил особое внимание царь. В кружке состоял и постельничий Федор Ртищев, поборник просвещения, а также образованный смоленский дворянин Симеон Потемкин (возможный предок светлейшего князя Григория Потемкина), глава Печатного приказа князь Андрей Львов. Поддержку деятельности «боголюбцев» оказывал боярин Б.И. Морозов. Стефана Внифатьева члены кружка почитали за широкую образованность и стремление следовать законам справедливости. О нем говорили, что он «боляр увещеваше... да имут суд правый без мзды, и не на лица зряще да судят». Алексей Михайлович иной раз в ночное время посещал Внифатьева и вел с ним долгие беседы. Пользовался царь и книгами из библиотеки Благовещенского собора.

Тогда же в Москву пригласили с Украины ученых монахов Епифания Славинецкого и других. Они включились в работу по изданию богослужебных книг, сверяя их с греческими оригиналами.

Практическая деятельность «боголюбцев» имела целью искоренение суеверий, укрепление правовых норм в церковной жизни. Вероятно, под влиянием этих установок были изданы царские указы о борьбе со скоморохами и народными увеселениями, связанными с языческими поверьями и обычаями. В Москве произвели облаву на владельцев музыкальных инструментов. На нескольких возах гудки и другие «бесовские сосуды» доставили на Болотную площадь и сожгли. В разосланных по стране грамотах осуждались те, кто «в громное громление» купался, «чая себе от того здравия», или занимался гаданиями, участвовал в святочных маскарадах, надевая «хари», и т. д. Даже невинное развлечение качели посчиталось нарушающим истинное благочестие.

Важнейшей стороной деятельности «боголюбцев» явилась издательская работа Печатного двора. И здесь инициатива принадлежала С. Внифантьеву. Выходит в свет переведенная с греческого языка «Кормчая», включающая церковные и частично гражданские правила семи Вселенских соборов. Печатались и другие книги. Капитальная перестройка Печатного двора расширила его производственные возможности. Со второй половины 40-х годов XVII века наблюдается значительное увеличение выпуска книг, включая предназначенные для обучения. С 1645-го по 1652 год трижды издавали «Азбуку», восемь раз – учебный «Часослов» («Часовник»), девять изданий выдержала учебная Псалтырь. Заметим, что эти книги обычно использовались для обучения грамоте в народной среде не только в XVII веке, но и значительно позже. Согласно повелению Алексея Михайловича 2 февраля 1648 года выпускается в свет «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, белорусского ученого, «в научение православным, паче же детям сущим». Примечательно, что публикуется и переводное сочинение И.Я. фон Вальхаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Выпуск изданий полемически-нравоучительного жанра в защиту православной религии против «латинства», «люторства» и других неприемлемых направлений религиозного мышления занял в конце 40-х – начале 50-х годов XVII века значительное место в продукции Печатного двора. Толчком к этому послужили «прения о вере» во время пребывания королевича Вольдемара, когда датская сторона устами своего капеллана пыталась отстаивать свои позиции. К тому же католическая агрессия и распространение униатства на Украине и в Белоруссии давали тому немалый стимул.

Новшеством в практике богослужений стали проповеди, с которыми пастыри обращались к прихожанам. Нововведение пришлось по вкусу, и к наиболее красноречивым проповедникам народ шел с большой охотой. Церкви подчас не вмещали всех желающих.

Ревнители православной веры выступали за перемены в церковном обиходе, считая неприемлемым многогласие (когда священнослужители одновременно читали или пели разные тексты). Однако введение единогласия было сопряжено с чисто житейскими неудобствами, с которыми нельзя было не считаться: служба неизмеримо затягивалась, прихожане обрекались на многочасовое стояние в церкви. Ведь сидеть разрешалось лишь в католических костелах.

Роль С. Внифантьева не ограничивалась влиянием на правительственную политику в церковной сфере. Есть основания считать, что он воздействовал своим убежденным словом на разбушевавшуюся толпу в один из дней июньского восстания в Москве, тогда как усилия патриарха Иосифа и других церковников действия не возымели. Следует заметить, что с иерархами Православной Церкви духовник царя держал себя независимо, порой даже дерзко. Он выступил на Церковном соборе 1649 года с обличительной речью, направленной против высших религиозных деятелей. Конфликт имел далеко идущие последствия. Патриарх Иосиф и Освященный собор обратились к Алексею Михайловичу с челобитием, в котором жаловались на Внифантьева, называвшего иерархов «волками», «губителями», а «не пастырями». Челобитчики требовали осудить протопопа Стефана как еретика на

смертную казнь согласно Уложению 1649 года (возведение «хульных словес» на соборную и апостольскую церковь). Однако царь оставил это дело без последствий.

«Боголюбцам» принадлежит заслуга распространения грамотности и учреждения училищ в России. Внифантиев стал попечителем Греко-латинской школы на государевом дворе. На собственные средства Ф.М. Ртищев открывает при Андреевском монастыре училище, где занимались люди из разных сословий. Здесь изучались языки славяно-русский, польский и латинский, а также другие науки. В Нижнем Новгороде, а позже в Москве Иван Неронов создал школы для посадской бедноты и пригородных крестьян, в которых осваивали грамоту. Обучение было бесплатным.

Кружок «боголюбцев» оказался, однако, недолговечным. Он распался в 1653 году. Причиной тому были не только возникшие серьезные разногласия с высшими церковными чинами. Слишком разных людей он объединял. После смерти патриарха Иосифа царь остановил свой выбор на Никоне, который тогда был новгородским митрополитом. Алексей Михайлович посылал Никону письма самого просительного-трогательного содержания, умоляя принять высокий сан. Никон (скорее из тактических побуждений) сначала не соглашался, царь вновь настаивал, суля ему всемерную поддержку. Следует заметить, что в недрах кружка «боголюбцев» уже вынашивалась идея проведения церковной реформы, и взгляды Никона на этот вопрос у Алексея Михайловича возражений не вызывали. Когда же Никон милостиво сообразовал принять звание Патриарха всея Руси (1652 год) и стал «собинным другом» венценосца (по его собственным словам), дни кружка были сочтены. С. Внифантиев удалился от дел, И. Неронов и его ученик Аввакум не приняли решительной линии Никона, ведущей к всемерному укреплению власти патриарха. В дальнейшем мы видим Аввакума в стане самых ярых врагов никоновских реформ. Кроме того, назревали события, в значительной мере отвлекшие внимание и силы царя от религиозно-богословских проблем. С новой остротой встала задача решения украинского вопроса, с которой связан новый этап деятельности Алексея Михайловича.

Нам остается, говоря о первых годах царствования второго монарха династии Романовых, поведать о его семейных делах. Царь не долго находился в холостом положении. В начале 1647 года для выбора невесты в Москве собрали двести девиц, из которых шесть наиболее красивых предстали пред очами царя Алексея. Ему приглянулась дочь Рафа Всеволожского, ей он и отдал предпочтение. Но избранница вдруг упала в обморок, узнав о воле царя. Тотчас нашлись царедворцы, усмотревшие в этом признак падучей болезни невесты Алексея Михайловича отговорили жениться на несчастной девушке, которую немедленно сослали.

Вторая попытка женитьбы оказалась удачной. На сей раз выбор пал на одну из дочерей Ильи Даниловича Милославского, небогатого дворянина. Шестнадцатого января 1648 года состоялось бракосочетание Алексея Михайловича и Марии Милославской. Из кругов, явно недоброжелательно настроенных к царице, иностранцы-современники проводили, что Мария в юности собирала грибы и торговала ими, а ее отец подавал вино заезжим иностранным купцам.

Свадьбу отпраздновали пышно и торжественно, сообразно особому церемониалу – «чину». Присутствовавших на свадьбе крайне удивило распоряжение молодого царя – «быть без мест». Это значило, что докучливые тяжбы дворянских родов, их сутяжничество на почве «чести» по любому поводу отменялись, а нарушение царского указа могло повлечь наказание. Алексей Михайлович этим актом сделал серьезную заявку на будущее. Он начинал понимать, что «великая порода» человека не всегда определяет его деловую пригодность на государственной службе. Правда, вполне отказаться от давно заведенного порядка царь так и не смог. Но проблески иного подхода в «кадровом вопросе» были налицо.

Семейная жизнь Алексея Михайловича оказалась не только благополучной, но и счастливой. Его супруга отличалась кротким, добрым нравом и скромностью. Мария Ильинична аккуратно рожала государю детей. Первыми появились на свет дочери Евдокия, Марфа и Анна. В феврале 1654 года родился сын Алексей.

Как и было принято, родственники царя по линии жены получали высокие чины. Тесть Илья Данилович Милославский стал боярином и вошел в число ближайших советников Алексея Михайловича. Особыми способностями сей «боярин по кике» не отличался, но корыстолюбия, а также спеси был не лишен.

Обратим внимание на такой факт: спустя всего десять дней после женитьбы царя его великомудрый «дядька» Б.И. Морозов заключил брак с сестрой молодой царицы Анной. Таким образом всецельный боярин еще более упрочил свое положение родственными узами с царем Алексеем. Ходили упорные слухи, что Морозов ловко подстроил женитьбу царя и собственный небезвыгодный марьяж.

Пятидесятые годы XVII века ознаменовались серьезными правительственными мерами в области экономики. Не без воздействия вступившего в должность патриарха Никона была проведена реформа питейной продажи – доходной статьи бюджета. Именным царским указом 1652 года всюду в стране отменялась откупная система содержания кабаков.

Вырученные от продажи вина деньги надлежало собирать «на вере», то есть специально назначенным головам и целовальникам. В городах и больших «государевых» селах предписывалось иметь по одному «кружечному двору», в малолюдных селениях открывать эти заведения запрещалось. Вскоре последовало уточняющее распоряжение, согласно которому запрещалось содержать в поместьях и вотчинах бояр, стольников, стряпчих, дворян московских и «жильцов» кабаки и кружечные дворы, а где они есть, их следовало «свести». Тем самым центральная власть вводила казенную монополию на производство и продажу спиртных напитков. Правда, исключение было сделано для тех «поварен», которые производили питье по договору с казной на основе подряда.

Усиленная подготовка к войне с Речью Посполитой не отвлекла царя Алексея от забот по упорядочению таможенных сборов – также важного источника пополнения казны. Двадцать пятого октября 1653 года была издана Уставная таможенная грамота, вносившая много изменений в таможенное дело. Это последнее вызывало много нареканий со стороны купечества, так как создавало для них различные неудобства. Издавна существовавшие местные особенности в таможенных ставках и порядке сбора пошлин стесняли передвижение и осуществление торговых сделок. Разнобой мелких таможенных пошлин также не способствовал развитию рыночных отношений. Учитывая все это, правительство упразднило многочисленные таможенные сборы, объединив их в единую рублевую пошлину, которая взималась по пять денег (две с половиной копейки) с каждого рубля продажной цены товара или суммы наличных денег. И в таможенном деле отменялся откупной порядок, оно препоручалось таможенным головам и их помощникам (по назначению из Москвы). За исправность поступления таможенных сборов головы несли материальную ответственность, недобор грозил взысканиями соответствующих сумм с нерадивых сборщиков. А ими определяли представителей купечества и зажиточных посадских людей. Как говорилось в указе, уставная таможенная грамота издана царем с боярским приговором, «слушав выписки (доклад по этому вопросу. – Л.Я.), и челобитья, и сказок гостей и гостиной, и суконной, и черных сотен и слобод, и всяких чинов торговых людей». Иными словами, было удовлетворено одно из сословных требований торгового люда. Новый порядок существенно облегчал торговую жизнь в стране и содействовал росту товарооборота и купеческого капитала. Выигрывали от этого и покупатели. Некоторое исключение в порядке таможенных и питейных сборов было сделано в годы войны для пограничных с Украиной местностей: там эта функция была поручена военачальникам, подотчетным Разрядному приказу. Собранные деньги быстрее поступали в Москву и только оттуда направлялись по назначению.

Новый указ связан с упразднением откупов на проезд, с мостов и перевозов, на взимание поголовной пошлины («головщины»), торговли харчем. На откупщиков обрушились обвинения: «тин откупщики, врази Богу и человеком», «приметываются» к проезжим и прохожим, взыскивают с них незаконные поборы, чем наносят большой ущерб торговым людям. Указ без обиняков запрещал помещикам и вотчинникам «мытов и проезжие пошлины и годовщины имати и на откуп отдавати». Установленные казной пошлины с перевозов на Волге и Оке понижались.

Война потребовала напряжения всех финансовых возможностей государства. Вводятся чрезвычайные налоги с торгово-промышленного населения: «десятая деньга» (то есть десять процентов), «пятая деньга» (двадцать процентов от стоимости имущества человека). С каждых ста дворов крестьян указывалось собрать по двадцать рублей на содержание ратных людей. Немалые займы делал царь у богатых монастырей, а также у Строгановых. Но и этого оказалось недостаточно.

В 1654 году началась денежная реформа, призванная обеспечить постоянный доход царской казне. Ее суть была достаточно проста. В оборот вводилась медная монета, которая должна была находиться в обращении наравне с серебряной и по одному курсу с ней. Московский денежный двор приступил к чеканке новой монеты. Открыли такое же предприятие в Новгороде. Во главе денежных дворов поставили видных купцов – московских и иногородних. Состоялся запрет на свободную торговлю медью – она требовалась казне в больших количествах.

На первых порах новшество не только не вызвало протеста, но, наоборот, было встречено с одобрением. Котошихин заметил, что медные деньги поначалу «возлюбили всем государством». В стране далеко не сразу поняли, что за сим последует. Медные деньги успешно внедрились во все расчеты, на них охотно продавали товар, их брали и давали в долг. Но постепенно стали замечать: налоги правительство собирало только серебряной монетой. В Сибири вообще было запрещено хождение медных денег. Ратные люди, находившиеся на службе в пределах Украины и Белоруссии, стали испытывать немалые трудности: там не хотели принимать медную монету, которой они получали свое жалованье. А монетные дворы чеканили и чеканили медные деньги. Естественно, они начали обесцениваться.

Наконец, по стране развилось в огромных масштабах изготовление фальшивых медных денег, благо это гораздо легче, нежели подделывать серебряные деньги. Правительство издает строжайшие указы по борьбе с фальшивомонетчиками, их ловят и предают смертной казни, отсекают конечности. Но и это мало помогало. Кроме того, поползла в народе молва, что причастные к чеканке медной монеты купцы и их покровители из царского окружения (И.Д. Милославский и др.) немало разбогатели, передавая на монетные дворы не казенную, а свою медь. Особенную неприязнь вызвали гости Василий Шорин и тесть царя Илья Данилович Милославский. А выпуск медных монет продолжался в нарастающем темпе.

Сначала незначительная разница в рыночной стоимости серебряной и медной монеты не была столь заметной. Но со временем этот угрожающий разрыв нарастал. Медная монета падала в цене, ее все менее охотно встречали на рынке. Между тем цены стали расти, ставя население в тяжелое положение. Сохранились любопытные свидетельства русских торговых людей о падении курса медных денег по отношению к серебряным. Так, в Новгороде на протяжении 1656-го – августа 1658 года медные и серебряные деньги «ходили равно», с 1 сентября 1658 года по 1 марта 1659 года разница составила три копейки, в следующие

полгода – пять копеек. Затем обесценение медной монеты пошло ускоренно и в июне-августе 1661 года достигло сорока семи копеек, а за сентябрь-декабрь этого года подскочило до двух рублей пятидесяти копеек. К 1662–1663 годам за один серебряный рубль давали уже десять-двенадцать медных. В Москве и того более – до пятнадцати рублей. Рынок лихорадило. Всюду нарастал ропот, вспыхивали волнения. Особенно беспокоило правительство положение в армии. Двукратное увеличение денежного жалования не решало проблемы. Указы царя о необходимости продавать ратным людям хлеб и фураж по умеренным, «указным» ценам вызывали протест владельцев хлеба. Возникали конфликты между служилыми людьми и населением. Военные неудачи 1659–1660 годов еще более усугубляли остроту обстановки в государстве. Все говорило о том, что приближается мощный социальный взрыв. Частные меры властей успеха не улили. Вряд ли удовлетворились новгородцы, когда «скудным» разрешили покупать хлеб по твердой цене, а у кого нет денег – давать в долг.

Тщетны были попытки властей найти выход в созыве совещаний с представителями сословий. Приглашенные в царские палаты торговые люди, посадские, жители московских «черных слобод» не могли дать вразумительного ответа на вопрос о причинах сложившейся ситуации, прежде всего – «хлебной дороговизны». Одни говорили, что все дело в хищничестве скупщиков хлеба, другие кивали на большие запасы зерна у помещиков, третьи разводили руками. Но самый распространенный ответ состоял в том, что следует отменить медные деньги и вернуться к серебряной монете. Купечество, наиболее осведомленное в рыночной конъюнктуре, жаловалось, что оно «стало возненавидено» во всех слоях населения страны. Одновременно отечественные коммерсанты сочли необходимым заявить в 1662 году правительству: «Ныне всякими большими и лутчими промыслами и торгами владеют и промышляют духовный и воинский и судебный чин, оставя и презрев всякое государственное правление». Подобное заявление выражало явную оппозицию политике властей царя Алексея Михайловича и неудовольствие сословным положением торгового люда России того времени. И хотя из рядов опрошенных раздавались голоса о необходимости искать выход общими усилиями всей земли, царь не пошел на созыв Земского собора.

Решительным толчком к изменению финансового курса правительства послужило скоротечное, но мощное народное восстание в Москве 25 июля 1662 года, известное в литературе под названием «медный бунт». В тот день Алексей Михайлович находился в селе Коломенском, которое он любил посещать особенно в летнее время.

Рано утром 25 июля 1662 года москвичи обнаружили в Центре города (на Лубянке и других улицах) прилепленные воском или прибитые гвоздями к столбам и стенам листы-прокламации. В них боярин Милославский, окольный Ф.М. Ртищев, гость В.Г. Шорин и другие объявлялись изменниками, которые будто бы сносят с польским королем. Листы по нескольку раз читали вслух набравшей толпе. Возбуждение быстро нарастало. Собравшиеся решили немедленно идти с этими листами к царю в Коломенское и требовать выдачи «изменников». Оставшиеся в Москве бояре Ф.Ф. Куракин и другие послали

дворянина С. Ларионова и дьяка Башмакова в сопровождении охраны изъять крамольные письма. Однако их прогнали. Несколько тысяч москвичей двинулись в Коломенское. По-видимому, царь уже был уведомлен о «гиле». Более того, по данным «дневальной записки» Приказа Тайных дел ему доставили одно из «писем». Алексей Михайлович находился в церкви, где слушал обедню. Боярам, которым угрожала расправа восставших, Алексей Михайлович помог укрыться. Народ подступил к дворцу. Царь прервал свое общение с небесными силами и вышел из церкви. Из толпы повстанцев слышались требования выдать обвиненных «на убиение». Алексей Михайлович, не в пример событиям 1648 года, проявил самообладание и стал уговаривать народ «тихим обычаем, чтоб они возвратились и шли назад», обещая рассмотреть претензии. Посадский Лука Жидкий и нижегородец И. Жедринский подали царю «письмо». Жедринский настаивал, чтобы Алексей Михайлович «изволил то письмо вычесть перед миром и изменников привести перед себя». Наиболее смелые из повстанцев ухватились за пуговицы на царской одежде, вопрошая: «Чему – де верить?» Алексей Михайлович клялся Богом, что разберет жалобы, и «дал им на своем слове руку». Кто-то из толпы «с царем бил по рукам». Эта обнадеживающая, почти «народная» сцена заставила пришедших поверить государю. Люди из Коломенского двинулись в Москву.

Москва тем временем продолжала бурлить. Громили дворы богатых купцов, торговцев принуждали покинуть лавки и присоединиться к взбунтовавшимся москвичам. Один из обвиненных в листах, гость Василий Шорин, бежал из города. Известие об этом еще больше распалило поднявшийся народ, воспринявший этот факт как подтверждение известия об «измене». Сын Шорина пытался скрыться, переодевшись в крестьянское платье. Его привели и стали допрашивать. Прошел слух, что Шорин-старший бежал в Польшу. Перепуганный юноша лепетал что-то несуразное. Его поняли так, что слух имеет основания. Посадив на телегу молодого Шорина, разъяренная толпа ринулась в Коломенское. По дороге она встретила первую волну восставших, возвращавшихся в Москву. Часть последних присоединилась к шедшим в Коломенское. И вновь перед царским дворцом забушевала народная стихия, еще более грозная.

Однако правительство не дремало. На выручку царю спешили стрелецкие полки. Объявили тревогу в Немецкой слободе, где проживало много иностранных офицеров. Городские ворота закрыли, на заставах появились усиленные караулы.

Повстанцы вновь потребовали выхода к ним царя, чтобы он сам допросил юного Шорина. Тот повторил, что его отец якобы сбежал в Польшу с какими-то «листами». По приказу царя его арестовали. Но восставшие упорно добивались выдачи других «изменников». Царь пообещал приехать в Москву и во всем разобраться. Но на сей раз государю не поверили. Из толпы Алексею Михайловичу «учали говорить сердито и невежливо, з грозами», предупреждая, что в случае неисполнения требований повстанцы бояр-изменников «у него учнут имать сами, по своему обычаю». В эту критическую минуту царю дали знать о прибытии войск. Он сразу переменил тон, закричав на восставших, и приказал свите и стрельцам «тех людей бити и рубити до смерти и живых ловити». Началась кровавая бойня

безоружных людей. Многих загнали в Москву-реку, где они утонули. Натерпелось тогда и царское семейство: «А царица в то время, и царевицы, и царевны, запершия сидели в хоромах в великом страхе». Говорили, что царица Мария Ильинична после этих событий болела целый год.

Одержав «победу», царь приказал разослать по всей стране грамоты, в которых картина восстания излагалась в удобном властям духе. Расправа якобы была проведена по единодушному челобитью всего населения, начиная от бояр и кончая посадскими людьми московских черных сотен и слобод. Не соответствовало действительности и утверждение о том, что в восстании не участвовали «всяких чинов ратные и торговые и земские люди». Очевидец событий Г. Котошихин писал, что в рядах повстанцев находились «люди торговые, и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские, и гулящие, и боярские люди». Барон Мейерберг сообщал, что «заговорщики» принадлежали к «подонкам черни». Согласно современным известиям, верхи торгового мира не поддержали восстание, за что получили царскую похвалу.

Три следственные комиссии без усталости вели дознание с пытками, пропустив через застенки сотни людей. У грамотных брали образцы почерков, чтобы установить авторов прокламаций, но тщетно. Четвертование, виселица, отсечение рук и ног, выжигание на лице буквы «Б» (бунтовщик), массовая ссылка – таков был итог Московского восстания 25 июля 1662 года. Тишайший в этой ситуации проявил другую ипостась своей натуры... Недаром его интересовала личность Ивана Грозного, по которому царь заказывал панихиды. Позже, когда шел спор между царем и бывшим патриархом Никоном, последний напомнил Алексею Михайловичу о бунте. Царь в ответ заявил, что приходили «земские люди» бить челом на обидчиков, а не против него.

Год 1662–й для правительства царя Алексея оказался особенно «урожайным» на восстания. Подавление мятежа в столице совпало с цепной реакцией выступлений местных народов на востоке страны. Поднялись башкиры на Урале, запылали русские селения, был стерт с лица земли город Кунгур. Волнения охватили обширные районы Сибири – от Березовского и Тобольского уездов в 1665–1666 годах они докатились до берегов Тихого океана. Активизировались в южносибирских степях потомки хана Кучума. С великим трудом удалось справиться властям с этой полосой вооруженных действий иноплеменных подданных России. От набегов страдали и мирные ясачные люди. Из пограничного Тарского уезда они писали царю, что нужны решительные военные меры против налетчиков, грабящих жителей и угоняющих людей в плен. Выясняется, что без царского указа нельзя было применять силу против иноземцев. Это поощряло нападавших. В челобитной говорилось: «Они, царевицы (Кучумовичи. – Л.П.) ...ведаючи, что ваших государевых служилых людей на них посылать не велено без вашего государева указу», и совершают нападения, «не опасаясь... ратных служилых людей».

Разумеется, вряд ли возможно утверждать, что серия восстаний 1660-х годов на периферии была непосредственно связана с экономическими затруднениями, вызванными неудачной денежной реформой правительства царя Алексея. Были на то и свои причины. При всем том царь решился на отмену медных денег. Одиннадцатого июня 1663 года был издан указ: «На Москве и в Великом Новгороде и во Пскове денежного медного дела дворы отставить, и маточники и чеканы в тех городех, собрав все, прислать к Москве в Приказ Большие казны. А старой денежного дела двор на Москве завести и серебряные деньги на нем денежным мастерам делать июня с 15 числа». Отныне все расчеты необходимо было вести на серебряные деньги. Казна принимала медные деньги в обмен на чисто символические суммы серебряных. Отвергнутую монету пускали в переплавку и на изготовление различных предметов, в том числе и для царского дворца. Постепенно в стране налаживалось денежное обращение и рынок обретал нормальные черты. Но рецидивы «указных», принудительных цен на съестные продукты кое-где давали себя знать и позже, проявляясь в основном на окраинах государства. Было официально признано, что приставленные к выпуску медных денег торговые люди «казну многую крали... и от того воровства обогатели большим богатством».

Изыскивая новые возможности для получения казенных доходов, центральная власть вводит в 1662 году государственную монополию на торговлю с иностранцами шестью «заповедными товарами» (пенька, поташ, сало и др.). Через два года вновь вернулись к свободной торговле ими, правда увеличив на время вдвое ставку таможенной пошлины, что мотивировалось необходимостью получения серебра. Расчет был на расширение торговых операций и соответственное увеличение пошлинных сборов. Царь в данном случае не обманул подданных: в 1667 году повышенную пошлину отменили.

Внимательно присматривались в Москве к набиравшей силу Макарьевской ярмарке близ Нижнего Новгорода. Правом собирать здесь таможенные пошлины согласно прежним царским грамотам пользовался местный желтоводский Макарьев монастырь. Видимо, властям этой обители не пришлось по вкусу грамота Алексея Михайловича от 26 июня 1667 года. В ней говорилось: «...на ту Макарьевскую ярманку... съезжаются торговые люди со всякими товарами и с деньгами со всего Московского государства и иных государств иноземцы торгуют две недели», тогда как ранее был лишь один торговый день в начале июля. Грамота запрещала монастырю впредь собирать торговые пошлины – этим будет заниматься казна. Монастырю была обещана «руга» – государственное содержание. Чтобы еще более приохотить торговых людей посещать Макарьевскую ярмарку, первые пять дней дозволялась беспошлинная торговля.

Учитывая настойчивые требования отечественного купечества оградить его от засилия на внутреннем рынке западноевропейских коммерсантов, правительство царя Алексея Михайловича постепенно усиливает в своей финансово-экономической политике элементы покровительственного порядка. Привилегии заморских торговцев шаг за шагом отменяются, а в 1667 году выходит один из важнейших законодательных актов этого рода – Новоторговый устав. Главное внимание в этом документе уделялось регулированию

деятельности зарубежных купцов и сбора с них таможенных пошлин. При подготовке Новоторгового устава воспользовались прежними челобитными русских людей, прежде всего челобитной 1646 года, которую тогда «сыскали» в архиве. Разработка устава проходила долго и довольно тщательно.

В создании Новоторгового устава участвовали крупные русские купцы, а от правительства – А.Л. Ордин-Нащокин, пожалованный в боярский чин. Вводный раздел Устава носил явные следы авторства этого видного политика. Он, будучи еще воеводой во Пскове, предпринял опыт создания своего рода банка, чтобы приглушить противоречия между «лучшими» и «молодыми» посадскими людьми и обеспечить кредитование операций по купле-продаже. Из городских доходов и взносов местных жителей создавался соответствующий фонд. Объединения по профессиям должны были строиться на основаниях помощи богатых бедным путем соединения средств тех и других под главенством зажиточных горожан. Эту мысль Ордин-Нащокин провел и в Новоторговом уставе. Текст нового торгового закона был скреплен подписями виднейших русских купцов.

Торговлю иностранцев Новоторговый устав ограничивал тремя городами – Архангельском, Новгородом и Псковом. Для проезда внутрь страны иностранцы должны были получать особое разрешение. Кроме того, они уплачивали повышенные пошлины в иностранной валюте. В результате иноземные купцы вносили в казну до девятнадцати процентов цены товаров, тогда как русские торговцы облагались лишь пятипроцентной пошлиной. Розничная торговля иноземцам была запрещена, они могли торговать только оптом, продавая русским купцам большие партии товара. Все это благоприятствовало русскому купечеству. Но по-прежнему отечественные негодяны не имели возможности вести операции в чужих краях в сколько-нибудь значительных масштабах. У России не было удобных морских выходов и отсутствовал флот.

Власти позаботились и об улучшении условий торговли в Архангельске. Там было указано построить новую корабельную пристань и капитальный гостиный двор. Таможенными головами в Архангельск назначались богатейшие купцы (А. Кириллов и др.). Им препоручались и судебные дела, возникающие на торговой почве между русскими и иностранными купцами.

В Москве понимали также и значение торговли с восточными странами. В том же 1667 году была выдана жалованная царская грамота армянским купцам на провоз в Россию шелка-сырца. Льготные условия торговли по просьбам владык Ирана и Средней Азии предоставлялись купцам этих государств.

Царствование Алексея Михайловича знаменовало дальнейшие шаги по освоению пространств Сибири. В 1648 году казак Семен Иванович Дежнев со своими товарищами

преодолеl на морских судах – «кочах» – пролив, отделяющий Евразию от Северной Америки. Это выдающееся открытие не сразу было оценено современниками. В конце 40-х – начале 50-х годов XVII века русские землепроходцы В. Поярков и Е. Хабаров совершили походы на Амур и привели в русское подданство население этого края. Сюда устремились вольные переселенцы, возникло Албазинское воеводство. В Южной Сибири строятся новые опорные пункты и среди них – город Иркутск. Довольно быстрыми темпами происходило хозяйственное освоение западносибирских мест, где создавались новые земледельческие поселения. Крестьяне европейского Севера уходили за Урал в поисках лучшей доли. Постепенно складывались очаги русского земледелия (Верхотурско-Тобольский, Енисейско-Красноярский, Томский и др.). Здешние служилые люди в подавляющем большинстве были выходцами из непривилегированных сословий (крестьян, посадских) и нередко занимались сельским хозяйством, ремеслом и промыслами. Сбор ясака пушниной давал царской казне большие доходы. Частные зверопромышленники и торговцы вывозили из Сибири значительные партии мехов, уплачивая государству таможенные пошлины. Первые шаги делало промышленное предпринимательство за Уралом. Природные ресурсы богатейшего края начинали служить человеку.

Царская власть проявляла повышенную заинтересованность в разведке и эксплуатации месторождений полезных ископаемых, в первую очередь серебряной и медной руды, а также железа, слюды и др. Значительно возрастает в конце 50-х – начале 70-х годов XVII века деятельность частных предпринимателей, предлагающих свои услуги правительству на этом поприще. Поиски руд ведутся на Урале, в Сибири, на островах Новая Земля, Вайгач и в других местах. Серебряную руду пытались искать на Оке. Нередко разведки были безрезультатными. Одной из самых крупных, но также безуспешных экспедиций по разведке месторождений серебра была экспедиция Я.Т. Хитрово в Уральские горы в начале 70-х годов XVII века. В ней участвовали сотни людей, начальник экспедиции получил широкие административные полномочия, местные власти были обязаны всемерно помогать Хитрово и выполнять все его требования о предоставлении людей и материалов. Несколько лет существовал в тех краях Уральский городок, позже сожженный, когда Хитрово с пустыми руками вернулся в Москву. Кстати, именно тогда в русских документах появляется название «Уральские горы» вместо традиционного именованья этой горной цепи «Камнем».

На Урале подвизалось семейство рудознатцев Тумашевых. Они основали медеплавильное производство в Соликамском уезде, а после истощения месторождения перенесли свое производство в Верхотурский уезд. Здесь они устроили небольшой железоделательный завод, наняли работников, оставляя продукцию на местные рынки. Позже в этих местах вырос первенец крупной уральской металлургии – Невьянский завод. В европейской части страны не без успеха действовали предприниматели-иностранцы, становившиеся владельцами различных промышленных предприятий, включая металлургические. В Москве осела группа западноевропейских купцов, которых именовали «московскими торговыми иноземцами». Они прочно связали свою судьбу с новой родиной. В их числе была династия тульских заводчиков Винусов.

В промышленной жизни России времен царя Алексея наиболее заметное развитие получило солеварение. Главным его центром стал Соликамский уезд на Урале. Активную роль в разработке тамошних соляных рассолов играло русское купечество, а также именитые люди Строгановы. Не отказывалась от заведения варниц и казна. По водной системе Кама-Волга-Ока соль на судах доставлялась в центр страны и служила одним из ведущих товаров на рынке. На обслуживании соляных караванов были заняты многие тысячи работников. Изготовление большегрузных речных судов стало существенной стороной предпринимательства в России той поры.

Алексей Михайлович поощрял заведение новых производств – бумагоделание (на реках Пахра и Яуза), «стеклянный» завод в Измайлове, сафьянный двор в Торжке, бархатный двор в Москве и др.

Доходным производством являлись будные станы (или майданы), где вырабатывался поташ – важный экспортный товар. Предприятия возникали в лесистых местах, их владельцами зачастую были дворяне, в том числе придворная знать (бояре Б.И. Морозов, Н.И. Одоевский и др.). Однако распространение поташного дела (особенно в районах засечных линий) создавало свои проблемы в значительной мере стратегического, но также и экологического характера. Так, в 1659 году по царскому указу запрещалось отводить леса для будных станов, так как вырубка деревьев наносила ущерб засечным линиям. Возникали даже трудности с дровами, страдали промысловые угодья. «И от лесов от многие сечи, и от сженья того лесу на поташ и на смольчугу, и от дыму, – отмечалось в указе, – пчелы повывлетали, и от того бортные угодья опустели, а мед стал дорог». Местным воеводам запрещалось без согласия правительства разрешать кому-либо отвод участков под будные станы. Трудно сказать, каков был эффект от этого указа. Сходные запреты временами поступали в Сибирь, где ясачные люди жаловались на лесные пожары от небрежного обращения с огнем.